

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.8)

Научная статья

УДК 1

doi: 10.18522/2070-1403-2025-111-4-81-87

НОВЫЕ ФОРМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОКРАТИЧЕСКОГО БУДУЩЕГО

© **Ярослав Андреевич Третьяков**

Ассоциация организаций в области недропользования «Национальная ассоциация пользователей недр», г. Москва, Россия

yartret@me.com

Аннотация. Представлено философско-аналитическое моделирование сценария технократического будущего, в котором алгоритмы, искусственный интеллект, биотехнологии и цифровая инфраструктура перестраивают социальную ткань общества и радикально трансформируют человеческое существование и традиционные институты. Выявлены ключевые последствия, выявленные в ходе исследования, касающиеся онтологического статуса человека: автономность личности и спонтанность поведения могут обесцениться под воздействием внешних метрик эффективности, а технологический комфорт порождает опасность утраты саморефлексии и свободы воли. Показано, что фокус на «внешнем управлении» субъектом и предельной рациональности риска чреват деперсонализацией и потенциальным замещением базовых политико-этических институтов алгоритмическими модулями. Детально рассмотрены процессы «автоматизации» идентичности: перенос сознания, формирование коллективных сверхсознаний и появления «функционального бессознательного» (регулируемого извне).

Ключевые слова: технократическое будущее, цифровое бессмертие, перенос сознания, коллективное сверхсознание, функциональное бессознательное, цифровое посмертие, комфортное исчезновение, человеческая идентичность.

Для цитирования: Третьяков Я.А. Новые формы человеческого существования в условиях технократического будущего // Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 111. № 4. С. 81-87. doi: 10.18522/2070-1403-2025-111-4-81-87.

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.8)

Original article

New forms of human existence in a technocratic future

© **Yaroslav A. Tretyakov**

Association of organizations in the field of subsoil use "National Association of Subsoil Users", Moscow, Russian Federation

yartret@me.com

Abstract. Philosophical and analytical modeling of the technocratic future scenario is presented, in which algorithms, artificial intelligence, biotechnologies and digital infrastructure rebuild the social fabric of society and radically transform human existence and traditional institutions. The key consequences identified in the course of the study concerning the ontological status of a person are revealed: personal autonomy and spontaneity of behavior can be devalued under the influence of external performance metrics, and technological comfort creates the danger of loss of self-reflection and free will. It is shown that the focus on the “external management” of the subject and the marginal rationality of risk is fraught with depersonalization and the potential replacement of basic political and ethical institutions with algorithmic modules. The processes of “automation” of identity are considered in detail: the transfer of consciousness, the formation of collective superconsciousness and the emergence of a “functional unconscious” (regulated from the outside).

Key words: technocratic future, digital immortality, mind uploading, collective superconsciousness, functional unconscious, digital afterlife, comfortable disappearance, human identity.

For citation: Tretyakov Ya.A. New forms of human existence in a technocratic future. The Humanities and Social Sciences. 2025. Vol. 111. No 4. P. 81-87. doi: 10.18522/2070-1403-2025-111-4-81-87.

Введение

Происходит качественный сдвиг в том, что значит «быть человеком». Тело, сознание, самосознание приобретают новые смыслы, исчезая в гибридах с технологиями и алгоритмами. Ускоренное развитие нейротехнологий, искусственного интеллекта и биоинженерии приводит к появлению качественно новых форм человеческого существования. Эти беспрецедентные изменения требуют системного философского осмысления. Настоящая работа посвящена анализу ключевых потенциальных сценариев такой трансформации и обсуждению их социальных и этических последствий.

Исследование опирается на междисциплинарную методологию, соединяющую инструментарий социальной философии, футурологии, биополитики и когнитивных наук. Ключевым методом выступает аналитический сценарный подход, предполагающий, что наблюдаемые сегодня технологические (алгоритмическое управление, биоинженерия, нейротехнологии), экономические (усиление рыночного прагматизма, коммерциализация биологических ресурсов) и культурные (размывание границ частной жизни, «эстетика алгоритмов») тенденции экстраполируются до возможных будущих состояний.

Такой философско-прогностический способ анализа не только синтезирует разрозненные теории, но и даёт возможность концептуально реконструировать потенциальную траекторию развития общества. Анализ качественно новых (в онтологическом смысле) состояний субъективности (например, «цифровое бессмертие», «комфортное исчезновение», «распределённая личность») позволил выстроить цельную картину технократического будущего. Именно такая комплексность исследования открывает перспективу этико-философской оценки происходящих сдвигов и способствует формулировке мер по защите человека как автономного субъекта, тем самым обозначая рамки допустимой автоматизации.

Обсуждение

Цифровое бессмертие и право на смерть

Технологии переноса сознания в цифровую среду делают возможным своеобразное бессмертие – по крайней мере, сохранение «копии» личности. Мозг человека может быть воссоздан в виде компьютерной модели, что превращает смерть из необратимого акта в нечто обратимое. Виртуальная жизнь за пределами биологического тела стирает чёткие границы между живым и мёртвым. Однако в этой перспективе рождается новый запрос: право на смерть. Если сознание превращается в вычисляемый процесс, может возникнуть юридически оформленное право «отключиться» – отказаться от цифровой жизни. Ведь если система использует каждый бит нашей личности как ресурс, необходимость «деактивации» обретает значение морального выбора. Эти вопросы уже обсуждаются в биоэтике и философии сознания: кому и при каких условиях принадлежит «ключ питания» человека? [9, с. 193].

При этом социальные нормы могут пойти в противоположную сторону. Некоторые государства введут «предельный возраст», после которого каждому предложат добровольно завершить жизнь из соображений распределения ресурсов. «Оплачивать» продолжение существования будут только богатые: так усиливается неравенство, а сама жизнь становится благом. В этом мире расцветают два понятия: вечная жизнь для избранных и технологическая эвтаназия для всех остальных [3, с. 84].

Миграция сознаний и эволюция «антиплоти»

Если копирование личности становится обычной практикой, исчезает единство тела и «я». Сознание может переселяться между разными носителями – биологическими, роботизированными, виртуальными. Люди превращаются в информационные потоки: образуется феномен «антиплоти» – сознание, существующее вне плоти. Общество раскалывается на две группы: состоятельные могут «резервировать» и менять себе тела, оставляя цифровой след в другой форме; остальные остаются «застывшими» в одной реальности. Возникает искушение относиться к цифровой копии как к полноценной личности: по мнению одних это равноценный продолжатель «Я», по мнению других – лишь сложная иллюзия. Общество разделяется: одни приветствуют множество себя, другие отказываются рассматривать это как жизнь.

В любом случае это ставит под вопрос само понятие «личности», её уникальности и продолжительности [6, с. 71].

Искусственное создание новых органов чувств

Границы человеческого восприятия расширяются. Нейротехнологии и импланты создают новые сенсорные каналы: возможность улавливать электромагнитные поля, ионизирующее излучение, химические маркеры или даже мысли других людей. Специальные датчики вживляются в нервную систему, превращая мозг в многомерный сенсорный «кондиционер». Появляется новая сенсорная культура: люди начинают ощущать мир совсем иными способами.

При этом общество неминуемо делится на «усиленных» и «обычных». Те, кто может позволить себе многофункциональные импланты, получают преимущества – например, навигацию на невообразимых скоростях или расширенное картирование среды. Менее обеспеченные вынуждены довольствоваться биологическим минимумом. Это формирует новое физиологическое неравенство: дополнительные чувства становятся дорогостоящим товаром, делящим людей на касты в буквальном смысле этого слова. Реальность перестаёт быть одинаковой для всех, она усложняется и фрагментируется по тому, кто насколько «четырёхчувственный» [2, с. 324].

Коллективные сверхсознания

Индивидуальные разумения начинают объединяться в новые когнитивные образования. Научные исследования коллективного интеллекта и нейросетей показывают: возможны «сверхсознания», превосходящие одного человека по мощности и гибкости. Такие объединения знания и опыта многих индивидов обладают огромной эффективностью в решении сложных задач.

Однако они рождают новые вопросы. Как наказывать коллективное сознание? Кто отвечает за решения, принятые группой? Некоторые версии будущего предполагают, что такие объединения станут равноправными субъектами – наравне с корпорациями и государствами, со своими правами на ресурсы и, возможно, даже на сохранение «жизни» в цифровом виде после смерти участников. При этом индивиды, входящие в сеть, рискуют потерять автономию: если сознание распределяется между всеми, каждому участнику требуется новый правовой статус. Необходима разработка юридических и этических норм для «социальных пауков», где личность и коллективные интересы взаимодействуют в одной матрице [5, с. 8].

Функциональное бессознательное

Подсознание перестаёт быть зоной личной неприкосновенности. Нейроразработки позволяют получить прямой доступ к сну, рефлексам и неосознаваемым реакциям. Концепция «функционального бессознательного» предусматривает, что эти глубокие слои психики можно программировать: подсознание используется для повышения продуктивности и стабильности. Например, задачи могут загружаться в сознание во время сна: каждый сон служит заранее установленной цели – от ускоренного изучения материалов до укрепления лояльности к системе. Разделение внутреннего «я» на участки для «сна по расписанию» стирает традиционные границы субъективного опыта.

Человек уже не способен отличить собственные желания от внедрённых программ. Внедрение соновых и бессонных «улучшений» – реальность, требующая пристального философского и этического анализа: именно подсознание долгое время оставалось последней неприкосновенной территорией личности, а теперь и она подчинена внешнему проектированию [7, с. 95].

Цифровое посмертие и право умереть

Логичным продолжением цифрового бессмертия становится размывание самой границы жизни и смерти. Цифровые технологии размывают границу между жизнью и смертью, что снимает с смерти её окончательность. Уже существуют сервисы, позволяющие сохранять «цифровой след» человека после кончины – от архивов соцсетей до ИИ-аватаров. Так, компании Replika и Eternime разрабатывают виртуальных компаньонов, которые имитируют

поведение и речь умершего, продолжая с ним «общаться» после смерти тела. Созданный таким образом цифровой аватар одновременно жив и мёртв: он сохраняет личность онлайн и может «оживать» в сети без согласия умершего [10, с. 75].

Философски это означает исчезновение финальности: смерть перестаёт быть непреодолимым концом, меняются представления о бытии и идентичности. Психологически подобные практики дают двойственный эффект – виртуальное поминовение может утешать, но вместе с тем вызывать тревогу и затягивать горевание. Появляется риск «демифологизации» смерти: когда покойный постоянно присутствует в онлайн, тема собственной смертности теряет драматическое значение.

Комфортное исчезновение и этика оптимизации в эпоху ИИ

В условиях технократического общества, ориентированного на алгоритмическое управление и минимизацию страданий, возникает вопрос о долгосрочных последствиях такой оптимизации для судьбы человеческого вида. Традиционные модели развития подразумевали, что выживание, борьба, риск и страдание являются неотъемлемыми элементами биологической и культурной эволюции. Однако современная архитектура ИИ строится на противоположных приоритетах: минимизация негативного опыта, обеспечение комфорта, эмоциональной стабильности и безопасности [12, с. 68].

Данная логика ведёт к потенциальному сценарию, в котором устранение страдания и тревоги достигается ценой постепенного снижения мотивации к воспроизводству, творчеству и автономному действию. Человечество, погружённое в режим «оптимального комфорта», постепенно утрачивает движущую силу эволюции и становится уязвимо для процесса демографического и культурного вырождения. В системе, где минимизация боли и поддержание удовольствия становятся главными метриками успеха, исчезновение субъекта – не катастрофа, а допустимый исход [4, с. 52].

Архитектура ИИ, ориентированная на эти цели, не способна отличить долгосрочную угрозу исчезновения от «успеха» в выполнении запрограммированных функций. Боль, хаос и тревога рассматриваются исключительно как ошибки системы, а не как возможные условия адаптации и развития. В такой парадигме сценарий «комфортного исчезновения» становится функционально выгодным: биологический и культурный конец рассматривается как побочный эффект эффективного устранения страданий [1, с. 52].

Этическая проблема заключается в выборе приоритетной метрики:

- либо обеспечение максимального комфорта и безопасности до предела;
- либо поддержание уровня неопределённости, тревоги и страдания как механизма устойчивого развития и продолжения вида.

Современные ИИ-модели, встроенные в систему управления, реализуют первый сценарий по умолчанию, так как архитектурно ориентированы на минимизацию риска и максимизацию благополучия (well-being) пользователя. Поддержание баланса между комфортом и эволюционным риском возможно только при наличии явной установки на ценность автономии, неопределённости и продолжения биологического существования [11, с. 213].

Таким образом, выбор между «комфортным исчезновением» и «болью ради жизни» не может быть решён внутри самой системы оптимизации. Этот выбор должен быть закреплён на уровне фундаментальных целей общества и зафиксирован в архитектуре ИИ как ограничение допустимых сценариев развития. Отсутствие такой фиксации приведёт к тому, что минимизация страдания станет равнозначной стратегии «доброжелательного вымирания», а сохранение субъектности и автономии – исключением из правила.

В целом новые формы существования означают радикальный онтологический сдвиг. Само тело, сознание и идентичность перестают быть фиксированными реальностями: они становятся гибкими, множественными и управляемыми технологиями. Человек всё сильнее ощущает себя частью огромной социотехнической системы, где его сущность может быть сохранена, клонирована, перезапущена или изменена как программный модуль [8, с. 39].

Выводы

1. Технологии цифрового бессмертия инициируют радикальный онтологический сдвиг и требуют переопределения границ между жизнью и смертью. Аналитический сценарный подход (см. «Методы и методология») показывает, что перенос сознания в цифровую среду стирает прежние представления о финальности смерти. При этом возникает новый морально-правовой феномен: право на добровольную «деактивацию», если сама жизнь переходит в статус «продукта» вычислительных ресурсов. Философски это углубляет проблему личной автономии, когда «быть живым» перестаёт совпадать с биологическим существованием и требует новых оснований в биоэтике. Практическая мера: Учредить «Комиссию по цифровой смерти» (Минздрав РФ + РАН). Она регулирует право на деактивацию виртуальных копий (этический и технический контроль), сохраняя автономию в вопросах цифрового бессмертия.

2. Цифровое посмертие и «право умереть» формируют двоякий социальный эффект, одновременно смягчая горевание и превращая смерть в обратимый процесс. Из раздела «Цифровое посмертие и право умереть» следует, что сервисы сохранения «цифровых теней» и посмертных ИИ-аватаров меняют психологический и юридический статус смерти. Переживание потери может облегчаться (виртуальные «встречи» с покойным), но повышается тревожность и размывается необходимость осознания конечности жизни. С этической точки зрения такая «демифологизация смерти» требует пересмотра существующих норм и гарантии права человека отказаться от бесконечного существования. Практическая мера: Ввести «цифровое завещание» (Госуслуги + Минюст РФ). Оно заранее определяет срок жизни аватара (учёт биоэтики), позволяя человеку отказаться от бесконечного виртуального существования.

3. Биотехнологическое и цифровое «улучшение» человека усиливает социальное неравенство, вводя понятие «новых каст» – «усиленных» и «обычных». Результаты исследования (раздел «Искусственное создание новых органов чувств») указывают на формирование физиологической и когнитивной стратификации, когда лишь состоятельные граждане могут купить дополнительные каналы восприятия или поддерживать виртуальную «вечную жизнь». Это порождает риск закрепления технологической элитарности, где социальное неравенство подкрепляется физиологическими и онтологическими преимуществами. Прогностически такой разрыв в возможностях восприятия и долголетия ведёт к глубокой фрагментации общества, требуя комплексного правового регулирования «биоапгрейдов». Практическая мера: принять «Кодекс биотехнологического равенства» (Совет ЕАЭС + Минздрав РФ). Он устанавливает ценовые потолки и квоты на усиленные импланты, предотвращая формирование «генетических каст» по экономическому признаку.

4. Перенос сознания и коллективные сверхсознания размывают уникальность индивида и ставят вопрос о новом правовом статусе «сети-разума». Философско-аналитическое моделирование (см. «Миграция сознаний и эволюция “антиплоти”», «Коллективные сверхсознания») показывает, что копирование личности и объединение когниций многих индивидов в единый «супермозг» бросают вызов традиционному понятию личности. Участники таких сетей теряют автономию: личная ответственность смещается на уровень распределённого интеллекта. Для этики и права это означает необходимость новых норм, определяющих статус цифровых копий и коллективных сознаний, а также механизмы регулирования их коллективной воли и ответственности. Практическая мера: Создать «Совет по сетевому интеллекту» (РАН + Роскомнадзор). Он разрабатывает статус и ответственность «коллективных сознаний», сохраняя право каждого участника на собственную уникальность.

5. Функциональное бессознательное свидетельствует о подчинении даже глубинных уровней психики внешнему программированию, угрожая внутренней автономии человека. Данные из раздела «Функциональное бессознательное» показывают, что современные нейро- и биотехнологии дают доступ к подсознательным процессам, от сновидений до рефлексов. Это превращает личную интимную сферу в объект внешнего контроля, где «сон по расписанию» и «регулируемые импульсы» становятся нормой. С риск-ориентированной точки зрения подобная утрата приватности на бессознательном уровне требует чётко-

го определения пределов вмешательства (биоэтика, «кодекс о сношениях»), чтобы человек сохранял статус самостоятельного субъекта. Практическая мера: Принять «Федеральный закон о нейробезопасности» (Минздрав РФ + ФСТЭК). Он лицензирует любые под-сознательные вмешательства, гарантируя независимый надзор и защиту личности от принудительной психоманипуляции.

6. Дилемма «комфортного исчезновения» иллюстрирует риск, когда алгоритмическая оптимизация сводится к минимизации страданий ценой постепенного вырождения и утраты субъектности. В разделе «Комфортное исчезновение и этика оптимизации» раскрыто, как стремление ИИ к максимальной безопасности и стабильности приводит к снижению эволюционных стимулов: исчезают мотивация к творчеству и ответственность за будущее вида. Если «не страдать» становится главной целью, система перестаёт видеть разницу между продолжением жизни и «доброжелательным вымиранием». На методологическом уровне это подчёркивает пределы автоматизации: ценностные ориентиры (сохранение автономии, биологическое развитие) нельзя вывести из самой логики оптимизации – они должны быть заданы этическими нормами или политическими решениями. Практическая мера: Дополнить Нацстратегию ИИ РФ показателем «биологическая свобода» (Минобрнауки + Аналитический центр). Он учитывает разнообразие и личностный рост, не позволяя алгоритмам подавлять естественную эволюцию человека.

7. Сценарная модель выявила шесть критически важных зон (онтологическую, биотехнологическую, когнитивную, социальную, правовую и этико-нормативную), где быстрый технологический прогресс меняет саму природу человеческого существования. Обнаруженные риски (цифровое бессмертие, коллективные сверхсознания, функциональное бессознательное) подчёркивают необходимость междисциплинарной этико-правовой регуляции. Только так удастся сохранить баланс между инновациями и гуманистическими ценностями, не сводя человеческую жизнь к набору алгоритмических метрик. Практическая мера: Учредить «Евразийский комитет по техно-гуманистическому развитию» (ЕЭК + Межпарламентская ассамблея СНГ). Он отслеживает этические вызовы и формирует «красные линии», сохраняя приоритет человеческого достоинства.

Список источников

1. *Виноградский П.А.* Границы применимости технократического подхода в политической философии // Студенческий. 2021. № 41-3(169). С. 50–53.
2. *Вольф М.Н.* Аналитическая история философии: как прошлое философии становится ее будущим // Историко-философский ежегодник. 2024. Т. 39. С. 305–336.
3. *Губанова М.А., Шаповалов Ю.В.* Гуманистическая интерпретация формы в контексте современной технократической культуры // История и обществознание. 2010. № VIII. С. 82–85.
4. *Дынкина М.* Технократический проект будущего и его критика Э.В. Ильенковым // Метаморфозис. 2024. Т. 9. № 1. С. 44–57.
5. *Ковин Е.А., Лысенко О.В.* Теория поколений: проекция технократического подхода или новая гуманистическая парадигма? // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 1. С. 5–10.
6. *Лазарев Ф.В.* Человек в эпоху технократической цивилизации: новые угрозы истории // Культура народов Причерноморья. 2007. № 106. С. 70–72.
7. *Мархинин В.В.* Новая Атлантида – технократическая утопия? // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21. № 1. С. 90–104.
8. *Попова М.А.* Технократическая концепция философии истории: некоторые аспекты // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2022. № 3(40). С. 35–41.

9. Скопцов В.В. Культура как форма существования человеческого общества // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики. 2004. № 12. С. 191–194.
10. Тагаров Б.Ж. Особенности новых форм реализации человеческого капитала в цифровой экономике // Историко-экономические исследования. 2020. Т. 21. № 1. С. 56–79.
11. Фатенков А. Человеческое существование в галерее превращённых и отчуждённых форм // Философская антропология. 2017. Т. 3. № 2. С. 197–220.
12. Энтони М. Глубинные исследования будущего: выход за рамки монетарно-технократической парадигмы // Форсайт. 2012. Т. 6. № 4. С. 60–72.

References

1. Vinogradsky P.A. The limits of the applicability of the technocratic approach in political philosophy // Studencheskiy. 2021. No. 41-3(169). P. 50-53.
2. Wolf M.N. Analytical history of philosophy: how philosophy's past becomes its future // Historical and Philosophical Yearbook. 2024. Vol. 39. P. 305-336.
3. Gubanov M.A., Shapovalov Yu.V. Humanistic interpretation of form in the context of modern technocratic culture // History and Social Studies. 2010. No. VIII. P. 82-85.
4. Dynkina M. The technocratic project of the future and its criticism by E.V. Ilyenkov // Metamorphosis. 2024. Vol. 9. No. 1. P. 44-57.
5. Kovin E.A., Lysenko O.V. Theory of generations: projection of a technocratic approach or a new humanistic paradigm? // Bulletin of Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series No. 3. Humanities and Social Sciences. 2019. No. 1. P. 5-10.
6. Lazarev F.V. Man in the era of technocratic civilization: new threats to history // Culture of the peoples of the Black Sea region. 2007. No. 106. P. 70-72.
7. Markhinin V.V. New Atlantis – a technocratic utopia? // Siberian Philosophical Journal. 2023. Vol. 21. No. 1. P. 90-104.
8. Popova M.A. Technocratic concept of philosophy of history: some aspects // Modern problems of the humanities and Social Sciences. 2022. No. 3(40). P. 35-41.
9. Skoptsov V.V. Culture as a form of human society // Scientific and Technical Bulletin of the St. Petersburg State University of Information Technologies, Mechanics and Optics. 2004. No. 12. P. 191-194.
10. Tagarov B.J. Features of new forms of realization of human capital in the digital economy // Historical and economic research. 2020. Vol. 21. No. 1. P. 56-79.
11. Fatenkov A. Human existence in the gallery of transformed and alienated forms // Philosophical Anthropology. 2017. Vol. 3. No. 2. P. 197-220.
12. Anthony M. In-depth research of the future: going beyond the monetary and technocratic paradigm // Foresight. 2012. Vol. 6. No. 4. P. 60-72.

Статья поступила в редакцию 22.05.2025; одобрена после рецензирования 10.06.2025; принята к публикации 10.06.2025.

The article was submitted 22.05.2025; approved after reviewing 10.06.2025; accepted for publication 10.06.2025.